

Зубова Ольга Владимировна

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И АКТУАЛЬНОСТИ ГЕРОЕВ В. М. ШУКШИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ "СИЛЬНЫЕ ИДУТ ДАЛЬШЕ", "УПОРНЫЙ", "ПСИХОПАТ", "ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ" И ФИЛЬМА С. НИКОНЕНКО "ЁЛКИ-ПАЛКИ!..")

Основное внимание данного исследования акцентируется на рассказах В. М. Шукшина "Сильные идут дальше", "Упорный" и "Штрихи к портрету", выбор которых обусловлен использованием их в качестве основы сценария к фильму С. Никоненко "Ёлки-палки!..". Анализ этих произведений, а также рассказа "Психопат" обосновывает мысль автора о возможности выделения особого подтипа героев рассказов Шукшина, не упоминаемого ранее исследователями его творчества. Воплощение этого подтипа в образе главного героя фильма Никоненко подчёркивает его актуальность в эпоху "перестройки".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 56-59. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-32

Филологические науки

Основное внимание данного исследования акцентируется на рассказах В. М. Шукшина «Сильные идут дальше», «Упорный» и «Штрихи к портрету», выбор которых обусловлен использованием их в качестве основы сценария к фильму С. Никоненко «Ёлки-палки!..». Анализ этих произведений, а также рассказа «Психопат» обосновывает мысль автора о возможности выделения особого подтипа героев рассказов Шукшина, не упоминаемого ранее исследователями его творчества. Воплощение этого подтипа в образе главного героя фильма Никоненко подчёркивает его актуальность в эпоху «перестройки».

Ключевые слова и фразы: В. М. Шукшин; рассказы; подтип; противоречивость; самоутверждение; живая душа; экранизация; актуальность; эпоха «перестройки».

Зубова Ольга Владимировна*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**zubova.olgavlad@yandex.ru*

**К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ И АКТУАЛЬНОСТИ ГЕРОЕВ В. М. ШУКШИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ «СИЛЬНЫЕ ИДУТ ДАЛЬШЕ», «УПОРНЫЙ», «ПСИХОПАТ»,
«ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ» И ФИЛЬМА С. НИКОНЕНКО «ЁЛКИ-ПАЛКИ!..»)[©]**

Согласно сложившейся традиции, В. М. Шукшина относят к представителям деревенской прозы, однако многие исследователи неоднократно отмечали, что его произведения выходят далеко за рамки этого направления. В настоящее время уже не приходится говорить о деревне как особом мироустройстве со своими традициями и жизненным укладом, тем не менее творчество Шукшина до сих пор не утратило своей значимости. Основная задача настоящей статьи – выявить актуальность произведений писателя в разные эпохи (в частности, в эпоху «перестройки»), рассмотрев одну из поднятых им проблем, а также предложить несколько иную в сравнении с предыдущими трактовку рассказов Шукшина, в которых представлена исследуемая проблема.

Очевидно, что одним из показателей актуальности литературных произведений предшествующих эпох является их перенесение в кинематограф, другими словами – экранизация. Кинематограф на современном этапе его развития серьезно конкурирует с литературой, вытесняя ее с позиции ведущего познавательного рода искусства, однако их активное взаимодействие дарит литературе «новую жизнь»: обращает внимание публики на новинки в области литературы, а также воскрешает к жизни произведения из классического литературного фонда. Экранизация как частный случай взаимодействия литературы и кинематографа является практически неисследованной областью киноискусства, но в настоящее время делаются попытки восполнить этот пробел. Так, к экранизации обращается В. И. Мильдон в книге «Другой Лаокоон, или О границах кино и литературы» [5], где основное внимание уделяется литературе, причем зачастую представлена весьма оригинальная трактовка произведений, фильмы же рассмотрены исключительно в плане их соответствия или несоответствия литературным предшественникам. По примеру Мильдона мы остановились на фильме С. Никоненко «Ёлки-палки!..» (1988), который заставляет нас по-новому взглянуть на некоторые рассказы Шукшина и внести уточнения в типологию характеров его персонажей.

Прежде всего, скажем несколько слов о фильме. Перед нами комедия эпохи «перестройки», богатая реалиями того времени (здесь звучат песни «Айсберг» в исполнении А. Пугачевой, «Букет» А. Барыкина, «Васильковая поляна» А. Никольского – всем известные хиты 1980-х годов). Герой фильма – этакий агрессивный «чудик», почти что местный дурачок, возомнивший себя умным: он пишет целый трактат о целесообразном государственном устройстве, пытается изобрести вечный двигатель и наставить людей «на путь истинный», однако все его устремления терпят крах и оборачиваются чередой комичных ситуаций.

В основу сценария фильма легли рассказы В. Шукшина «Сильные идут дальше» (1970), «Упорный» (1972) и «Штрихи к портрету» (1973). Прежде всего, встает вопрос о правомерности объединения этих произведений в единый сюжет. В предыдущих исследованиях творчества Шукшина критики и литературоведы относили указанные рассказы к разным группам. Так, В. А. Апухтина [1] соотносит героев рассказов «Штрихи к портрету», «Срезал» и «Психопат», определяя их как прямолинейных, ограниченных фанатиков с присущим им максимализмом и нетерпимостью. В. К. Сигов [6] рассматривает «Штрихи к портрету» в контексте рассказов «Мужик Дерябин», «Бессовестные», «Мой зять украл машину дров» и обращает внимание на общественно-политическую активность героев как подоплеку их характеров. В то же время рассказ «Упорный» исследователь относит к группе произведений о положительном народном характере («Стенька Разин», «Классный водитель», «Гринька Малюгин» и другие). Иная версия представлена в словаре-справочнике по творчеству Шукшина, подготовленном коллективом ученых Алтайского государственного университета [7]: здесь герои рассказов «Сильные идут дальше» и «Упорный» поставлены в один ряд с персонажами «Микроскопа» и «Верую!», чудаками и мечтателями-фантазерами.

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что герои исследуемых рассказов имеют много общего и воплощают по сути один и тот же характер, который, несмотря на некоторую трансформацию от

рассказа к рассказу, в основе своей остается прежним, что позволяет говорить о некоем едином подтипе. К нему следует относить также героя рассказа «Психопат». Если говорить о чертах подтипа в целом, то на первый план выходит «необычность» героя, которую сам В. Шукшин в одном из своих интервью охарактеризовал следующим образом: «...душа человеческая мечется и тоскует, если она не возликовала никогда, не вскрикнула в восторге, толкнув нас на подвиг, если не жила она никогда полной жизнью, не любила, не горела» [4, с. 149]. Только в отличие от рассказов типа «Миль пардон, мадам», где герою достаточно периодически испытывать чувство собственной исторической значимости, вновь и вновь переживать катарсис от придуманной истории, что, в общем-то, не мешает окружающим (если не считать их «дезинформированности»), герои более сложны и, главное, противоречивы, они вызывают неоднозначное отношение к себе. Ими движет желание не просто потешить самолюбие, но оставить реальный (невыводимый) след в истории, желание добиться славы и признания. Ради достижения цели они готовы действовать: герои работают над «актуальными проблемами», волнующими человечество, совершают подвиги вроде купания в ледяной воде. Практически все их начинания обречены на неудачу, однако перед нами сильные натуры, которые трудно сломать. Желание прославиться тем не менее не заглушает в них голоса совести. Строить свою славу «на костях» они не собираются, наоборот, их деятельность посвящена великим открытиям, призванным служить на благо человечеству. Однако в самоутверждении и утверждении собственных идей они максималистски резки по отношению к этому самому человечеству, которое во многом не понимает и не принимает их.

Противоречивость этих героев проявляется достаточно ярко в том числе и потому, что отношение к ним самого Шукшина было неоднозначным. Судя по сохранившимся записям в рабочих тетрадях, в исследуемых произведениях (кроме рассказа «Психопат») писатель хотел вывести отрицательные характеры, но в ходе работы его концепция значительно менялась. Так, набросок к рассказу «Сильные идут дальше» выглядит следующим образом: «Разгулялся Байкал. Стоят городские туристы, отдыхающие... Один дурушлеп, увидев женщин... – Эх, поплыть, что ли?» [7, с. 175]. Он демонстрирует негативное отношение Шукшина к главному герою, однако в самом рассказе Митька Ермаков превращается из дурушлепа в некое подобие «чудика», великовозрастного мечтателя, якобы вылечивающего рак обычной травкой. Случай даёт Митьке шанс обрести славу и показать себя настоящим героем: он решает искупаться в ледяной воде перед взором удивлённых «очкариков», рассуждающих о людской силе и слабости. Казалось бы, это геройство, обернувшееся позором («очкарики» спасают Митьку, потерявшего в воде трусы), должно сломать тонкую и чувствительную Митькину натуру, однако в действие вступают другие его качества – доброта и широта души, помогающие герою простить людям его позор. Среди всех представителей описываемого подтипа Митька наиболее добродушный, он мечтает, однако не навязывает людям веру в свои мечты.

Герой следующего по времени написания рассказа «Упорный» задумал изобрести вечный двигатель. В. К. Сигов относит Моню Квасова к людям, «с которыми связаны национальные достижения и надежда» [6, с. 52]. Сам же Шукшин в рабочей тетради иронизирует по поводу пренебрежительного отношения Мони к законам физики: «Да что трение!.. Весьма русское решение проблем: при чем тут трение! При чем здесь закон!» [7, с. 296]. Но и в этом рассказе налицо неоднозначное отношение автора к своему герою. С одной стороны, перед нами уже не просто фантазер, в мечтах вознесшийся до небес и дарящий счастье всем людям вокруг, а человек вполне реалистических устремлений, «открывший» в себе большой умственный потенциал и вследствие этого критически воспринимающий любые научные утверждения. Это человек, беспорядочно читающий литературу из самых разных областей знания, немножко ученый, немножко философ, проповедующий скептический подход к любой истине, отмахивающийся от всяких трезвых мыслей и в то же время ощущающий собственное величие. Однако писатель все прощает герою, так как доброта души, по мысли Шукшина, исконно присущая русскому человеку, одерживает верх над злостью и строптивостью Мони, результатом чего является торжество безграничной любви героя к тем самым людям, которых он не так давно презирал.

Рассказ «Психопат» несколько выбивается из ряда исследуемых произведений заведомой «положительностью» своего героя, на что указывает в набросках Шукшин: «Возмутился человек фельдшерницей, которая не умеет делать уколы. Тихая, скромная, милая девушка и... ничего не умеет делать. Все вены исколола. Ну, и уж – обобщение справедливое, впрочем» [Там же, с. 237]. Сергей Иванович Кудряшов, библиотекарь, прозванный в селе психопатом, на самом деле оказывается профессионалом, влюбленным в свою работу (в свободное время он ходит по соседним деревням и собирает старинные книги). Своим поведением он являет пример истинной духовности в отношении к делу, которым занимается, но требует того же и от других, причем требует в достаточно жесткой форме, оскорбляя доктора и медсестру и приписывая им непрофессионализм. Однако этот перфекционист, современный Дон Кихот в «каком-то длинном нелепом плаще и кожаной шляпе» [9, с. 463], не ищет славы и не требует вознаграждения за свой повседневный подвиг. Он ратует за то, чтобы сделать мир хоть немного порядочнее и добрее, однако в своем стремлении «покушается» на спокойствие и благополучие других.

Наиболее сложным среди анализируемых произведений является рассказ «Штрихи к портрету», именно он составил основу сценария к фильму «Ёлки-палки!...». Исследуемый подтип, претерпевая изменения в рассмотренных ранее произведениях, обрел свою окончательную форму в образе главного героя рассказа, а Митька Ермаков, Моня Квасов и «психопат» оказались «штрихами к портрету» Николая Николаевича Князева, персонажа, которому не дают однозначного толкования даже рабочие записи Шукшина: «...доморощенный философ и приходит к открытию: – А звери-то... это... умней нас. <...> – Вот – люди: сели на карусель и машут руками – “До свидания!”. А сами – на месте. Так ведь и вся наша жизнь. – “Помолчи при детях, идиот!”» [7, с. 311-312]. Фигура главного героя вызвала противоречивые суждения в критике. Л. И. Емельянов [3] и В. А. Апухтина [1] видели в нём догматика и максималиста, якобы преследуемого обывателями, и предостерегали читателей от склонности ему довериться, В. К. Сигов [6] считал общественно-

политическую активность героя знаком его душевной ущербности. С другой стороны, В. Ф. Горн [2] рассматривал Князева в качестве примера духовного роста человека.

На наш взгляд, фигура Князева поражает, прежде всего, своей трагичностью, коренящейся в противоречивости его характера. С первых страниц рассказа мы знакомимся с нахально-весёлым, беззаботным человеком, впоследствии оказывающимся отнюдь не беззаботным: судьба государства не дает ему возможности спокойно есть, спать, отдыхать и даже работать. Постепенно Князев все больше раскрывается перед нами, демонстрируя свою «неприглядную» сущность: нахальство оборачивается откровенной наглостью, злость с неудержимой силой выплескивается наружу, обрушиваясь на первых попавшихся людей (Сильченко, собственную жену). На протяжении всего рассказа автор наделяет Князева множеством негативных характеристик: «нахально-снисходительный» [9, с. 413], «ушибленный общими вопросами» [Там же, с. 412], разговаривает он частенько «с мстительным, злорадным чувством» [Там же, с. 426], обзывает людей «полудурками» [Там же, с. 427], а работницу почты – «дурой пучеглазой» [Там же, с. 426]. Он буквально заставляет людей жить по собственному сценарию. И сквозь видимую агрессивность героя едва проглядывают так не вяжущиеся со всей натурой Князева простота и кротость «чудика», иногда смотрящего на людей «с грустью и болью» [Там же, с. 417] в глазах, «с серьёзной мольбой и тревогой» [Там же, с. 408]. Заключительная часть рассказа проливает свет на корни его противоречивости. Девятый по счету крестьянский сын, всего в жизни добившийся сам, Князев сумел получить некоторые знания, самостоятельно развил их, сделался доморощенным философом, решившим, что он постиг смысл мироздания. В своем желании донести это до людей он, несомненно, перегибает палку. Однако его мстительность и злорадность являются всего лишь способом защиты своей глубоко уязвимой натуры от постоянных насмешек.

В исследованиях, обратившихся к этому произведению, содержатся весьма ценные замечания. Так, В. К. Сигов [6] высказывает интересную мысль о том, что Князев «уходит» от земли, от крестьянских корней, предает их в пользу государственности. Коллектив Алтайского университета [7] обращает внимание читателей на некоторую сумбурность понятий, мнений, имен и фактов в голове Князева и характеризует его трактат как сотворение модели примитивного государства. В данной статье отнюдь не отрицается опыт предшествующих исследователей, лишь заостряется внимание на особой актуальности героя рассказа, неравнодушного к судьбе государства, «думающего», в отличие от всех остальных, причем думающего не о своей личной выгоде, а о судьбе всей страны.

Если сравнить рассмотренные выше рассказы с другими произведениями Шукшина, то обнаружится, что исследуемый подтип имеет общие черты с разными шукшинскими характерами. Так, исследователи неоднократно причисляли Князева, яркого представителя подтипа, к отрицательным персонажам галереи Шукшина [1; 3; 6; 7]. «Упорного» Моню Квасова сам писатель наделяет чертами Глеба Капустина («Срезал»): такой же белобрысый, порой нахально-заносчивый, как и Глеб, делает выпад в сторону ученого мира, практически повторяя его фразу («Как ученые думают насчет вечного двигателя? <...> Что, сняли, что ли, эту проблему?» [9, с. 361]). И все же Моня хочет сделать великое открытие, служившее бы на благо человечеству, а не опозорить людей из зависти к их образованию. Да и Князев при ближайшем рассмотрении значительно отличается от таких персонажей, как вахтерша в «Кляузе», продавщица в «Обиде», теща в рассказе «Мой зять украл машину дров», руководствующихся исключительно выгодой, желанием удовлетворить собственное тщеславие, гордостью и наплевательским отношением к людям. Князев и остальные представители подтипа, по мысли писателя, еще не утратили живую человеческую душу, за это Шукшин прощает им все. В этих героях есть также что-то от «чудика», скромного и кроткого, надоевшего всем своим добром, однако под влиянием все тех же внешних обстоятельств оно спряталось так глубоко, что порой трудно это увидеть. Своеобразное балансирование на грани между «чудиком» и отрицательным героем приводит к особой трагичности образов персонажей данного подтипа.

Итак, на основе проанализированных нами рассказов создается фильм «Ёлки-палки!..». Почти два десятилетия отделяют его от литературных первоисточников. Эта экранизация во многом испытала влияние времени. Произошло то, чего больше всего боялся Шукшин, с чем неоднократно спорил: на основе его произведений была поставлена комедия (даже не трагикомедия, что было бы адекватно шукшинским текстам). Сюжетной основой сценария явился рассказ «Штрихи к портрету». Однако и сам Князев уже не тот, и отношение к нему другое: он фактически сравнивается с Дон Кихотом (в фильме звучит музыка из одноименного балета Л. Минкуса), наследуя его непрактичность (бесплатно отдает цветной телевизор школе-интернату), нелепость действий и идей. Фильм насыщен комичными ситуациями, среди которых особое место занимает не представленный у Шукшина сюжет о попытках сестры Князева женить его на Любе, когда в ход идут все женские ухищрения: прически, красивые платья, обмороки, однако результат оказывается все тем же – «нецелесообразно».

Тем не менее цель экранизации состояла не только и не столько в осмеянии «неразумного» героя. Лейтмотивом ко всему фильму стал образ одинокого и мятежного паруса из одноименного стихотворения М. Ю. Лермонтова, образ, отнюдь не воспринимаемый нами в комическом свете. Действительно, главный герой фильма нередко смешон и во многом неправ, однако цели его благородны. В эпоху «перестройки», да и сейчас, особенно актуальными стали размышления о государстве и долге человека перед своей страной. Одни только слова Князева: «Я видел, как разбазаривают государство: каждый старается на своём месте» – заставляют нас серьезнее взглянуть на поставленную им проблему.

Итак, проведенный анализ рассказов В. М. Шукшина «Сильные идут дальше», «Упорный», «Психопат» и «Штрихи к портрету» представил обоснование для выделения характеров героев указанных произведений

в особый подтип, характеризующийся, в первую очередь, предельной противоречивостью персонажей, их стремлением, с одной стороны, прославиться и воспарить над окружающими, с другой стороны, совершить великое открытие на благо этих же окружающих, балансирующий между «чудиком» и отрицательным героем и вследствие этого вызывающий крайне неоднозначное отношение к себе как со стороны критиков, так и со стороны самого Шукшина. Этот подтип оказался актуальным и в дальнейшем, что вполне подтверждается его воплощением в образе главного героя фильма С. Никоненко «Ёлки-палки!..».

Список литературы

1. Апухтина В. А. Проза В. Шукшина. М.: Высш. шк., 1986. 94 с.
2. Горн В. Ф. Характеры Василия Шукшина. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1981. 248 с.
3. Емельянов Л. И. Василий Шукшин: очерк творчества. Л.: Худож. лит., Ленингр. отд-е, 1983. 152 с.
4. Коробов В. И. Василий Шукшин: творчество, личность. М.: Сов. Россия, 1977. 192 с.
5. Мильдон В. И. Другой Лаокоон, или О границах кино и литературы: эстетика экранизации. М.: РОССПЭН, 2007. 221 с.
6. Сигов В. К. Русская идея В. М. Шукшина: концепция народного характера и национальной судьбы в прозе. М.: Интеллект-центр, 1999. 302 с.
7. Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник / науч. ред. А. А. Чувакин; ред.-сост. С. М. Козлова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Т. 3. Интерпретация художественных произведений В. М. Шукшина. Публицистика В. М. Шукшина 360 с.
8. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005. Т. 3. Повести; Рассказы. 560 с.
9. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005. Т. 4. Рассказы. 544 с.

**ON TYPOLOGY AND TOPICALITY OF V. M. SHUKSHIN'S HEROES
(BY THE MATERIAL OF STORIES "THE STRONGS ARE COMING", "THE STUBBORN", "THE PSYCHO",
"THE SKETCHES TO PORTRAIT" AND FILM BY S. NIKONENKO "HOLY SMOKE!..")**

Zubova Ol'ga Vladimirovna

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
zubova.olgavlad@yandex.ru*

The author pays special attention to the stories by V. M. Shukshin "The Strongs are Coming", "The Stubborn" and "The Sketches to Portrait", which choice is conditioned by their use as the basis for script to the film by S. Nikonenko "Holy smoke!..", basing on the analysis of these works, and the story "Psycho" substantiates the thought about the possibility to single out the special subtype of Shukshin's stories heroes, not previously mentioned by the researchers of his creative works, and concludes that the embodiment of this subtype in the main hero image in Nikonenko's film emphasizes its topicality in the era of "restructuring".

Key words and phrases: V. M. Shukshin; stories; subtype; contradictoriness; self-affirmation; living soul; filming; topicality; era of "restructuring".

УДК 81

Филологические науки

В статье рассматривается проблема диахронии качественных и относительных прилагательных с позиций контенсивной типологии. На основе синхронно-диахронного сравнительно-типологического анализа адъективных парадигм в языковых семьях мира автор доказывает правомерность гипотезы о стативных глаголах и существительных как об истоках, которые послужили становлению соответственно качественных и относительных прилагательных. Определяются четыре этапа диахронии названных разрядов имени прилагательного – этап синкретизма, семантический, семантико-синтаксический, морфологический, которые хронологически коррелируют соответственно нейтральному, классному, активному, номинативному/эргативному строям контенсивной типологии.

Ключевые слова и фразы: диахрония; качественное прилагательное; относительное прилагательное; стативный глагол; имя существительное.

Иконникова Ольга Николаевна, к. филол. н.

*Южный федеральный университет
iconolga@mail.ru*

**КОНТЕНСИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАХРОНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ
И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ[©]**

Актуальность работы определяется тем, что проблема происхождения категории имени прилагательного не имеет окончательного решения в лингвистике и нуждается в дальнейшем исследовании. Среди учёных